

МИРОВАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СФЕРА: НОВЫЕ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ*

© 2015 И.А. Карачев**

Ключевые слова: геоэкономика, глобализация, многополярный мир, межстрановые торговые блоки, проблемы взаимозависимости, политика санкций, регионализация контуров силы, многонациональные корпорации (МНК).

Представлено современное состояние мировой экономики, которое характеризуется повышением роли государства в экономиках стран, экономическими войнами, подрывающими основы экономической интеграции, процессами регионализации. Рассмотрен новый геоэкономический миропорядок, который представлен автором в виде вызовов глобальной конкурентной среде.

Геополитическая конкуренция придает новый вид мировой экономике, помогает объяснить складывающиеся глобальные отношения власти и управления. С возрастанием напряженности между великими державами глобальные компании теряют контроль над ситуацией на мировой арене.

До глобального финансового кризиса геополитика в основном играла важную роль только на локальном уровне, но сегодня самые большие конфликты происходят между величайшими мировыми державами. Украина находится в эпицентре кризиса европейского порядка, в котором Россия и Запад используют финансовые рынки, энергию и контроль над Интернетом для продвижения своих целей¹.

В Азии конкуренция между растущим Китаем и его соседями породила морские споры и введение санкций и ограничений на доступ к природным ресурсам. В каждом регионе мира новые силы и новые волнения среди населения возрастают, а сконцентрированная обычно на самой себе Америка все больше и больше обозначает свою роль на мировой арене в дезориентирующей манере, оставляя другим только догадываться о ее истинных планах.

Несмотря на то, что войны бушуют от Дамаска до Донбасса, основное поле битвы носит экономический характер, нежели военный. Санкции занимают место военных

ударов, соревнующиеся торговые блоки замещают военные альянсы, валютные войны сейчас более распространены, нежели захваты территорий, манипулирование ценами на ресурсы, такие как нефть, более действенно, чем традиционные гонки вооружений. Мир является свидетелем усиления роли геоэкономики.

Геоэкономика, с одной стороны, это противоположность, но с другой - величайший триумф экономической глобализации. Это всеобъемлющая зависимость всех стран в мировой экономике, что и делает угрозу исключения, устранения их столь эффективной. После двух десятилетий сближения многие страны фокусируются отныне не только на преимуществах, но и на вызовах, проблемах взаимозависимости².

США жаждут энергетической независимости, Китай хочет стимулировать внутреннее потребление, Германия желает обезопасить себя от экономических решений своих соседей, а Россия стремится оградить себя от западных рынков и ведомой США финансовой системы.

Всех больше в выигрыше в новых условиях оказываются государства, которые способны формировать и определять свое собственное будущее - Китай, США, ЕС. В выигрыше же остаются международные институты и компании, которые не могут рассчитывать на поддержку со стороны крупных

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-32-01043).

** Карачев Игорь Андреевич, аспирант Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: karachev2011@yandex.ru.

государств или на автономное функционирование, чтобы оградить себя от их влияния. В этом новом прекрасном геоэкономическом мире институты, созданные для эры взаимовыгодного сотрудничества, все больше и больше пребывают в беспорядке³.

В отсутствие глобального лидерства устаревание международных норм и стандартов и последовавший за этим переход к многополярности, регионализация контуров силы становятся все более заметными. Это оказывает сильное давление на лидеров по всему миру, бросая вызов их эффективности и легитимности.

Вызов 1: Экономическая война.

США, Европа и другие страны с развитой экономикой, столкнувшиеся со сложной финансовой ситуацией и слабой внутренней политической поддержкой обязательств, все чаще не желают добиваться достижения своих политических целей за границей через применение военной силы. Чтобы компенсировать это, ведущие державы продолжают стремиться к установлению своего порядка через влияние на мировую экономику (в том числе на курсы валют: доллара и евро) и через контроль над многонациональными корпорациями (далее - МНК), зарегистрированными в них.

Недавние западные санкции против России положили начало первому конфликту между великими державами со времен окончания "холодной войны". Их заявленная цель - изменить российскую политику, хотя Москва убеждена в том, что санкции направлены на смену существующего политического режима и на ведение страны вниз⁴. Мир также мог наблюдать за установлением западного торгового контроля над Ираном, Мьянмой и Венесуэлой. Действительно, США и ЕС в последние месяцы разработали новые формы санкций (например, отраслевые санкции Министерства финансов). Все чаще политики из Вашингтона воспринимают санкции как "дроны будущего" - высоко нацеленное оружие, которое может быть развернуто для разрушительной атаки.

Использование Западом экономических рычагов воздействия отражает тактику развивающихся стран с менее мощным военным потенциалом. Россия вводила санкции против Грузии, Республики Молдова и Украины в целях предотвращения их поворота на За-

пад, в то время как Китай использовал санкции против Японии и Филиппин в целях улаживания морских вопросов.

Экономические санкции и ограничения являются главным инструментом геоэкономики и могут охватывать меры от ужесточения санитарного контроля до полномасштабной экономической блокады. Что имеет значение, так это размер и потенциал страны, подвергнутой санкциям, а также сила вводящей санкции страны или международной коалиции. Эти экономические инструменты стоят в одном ряду с экономическими стимулами, такими как торговые режимы, использование экспортных кредитов, связанный вспомогательный кредит, государственное финансирование.

Обычно экономические санкции - это обоюдоострое оружие. Страна, применяющая санкции, наносит вред своим компаниям, которые осуществляют торговлю с целевыми странами или инвестируют в них. Компании США были вынуждены отказаться от Ирана, немецкие автопроизводители - сократить экспорт в Россию, а французские верфи пострадали от замораживания и потенциальной отмены продаж кораблей "Мистраль" в Россию⁵. Санкции также способны спровоцировать контрсанкции. В 2014 г. Россия применила репрессалии против западных мер, запретив импорт продовольствия из стран, которые присоединились к санкционному режиму против Москвы.

Последствия этой тенденции развиваются, но они в потенциале ведут к процессу деглобализации компаний. Если компанию все чаще вынуждают позиционировать себя привязанной к своему правительству, она будет думать дважды, перед тем как инвестировать за рубеж. Другие последствия включают изменения в традиционных для фирм направлениях экспорта в соответствии с новой геополитической расстановкой. Столкнувшись в 2006 г. с российским эмбарго на вино, Грузия вынуждена была найти новые рынки на Западе, куда она вписалась по политическим соображениям. Когда в 2014 г. Россия столкнулась с западными санкциями, она ускорила сближение с Китаем, одной из великих держав, отказавшихся осудить действия Москвы и разделяющих российскую оппозицию против американского доминирования в мире⁶.

Результат этих геоэкономических кампаний отнюдь не нулевой. Более сильная экономика, поддержанная другими формами власти, может причинить больший ущерб целевой стране, чем тот, который будет испытывать взамен. Однако это не всегда влечет изменение политического поведения правительства, подвергнутого наказанию. Иногда санкции могут сделать такое поведение неопределенным. По иронии судьбы истинным победителем может быть третья сторона, которая использует благоприятную возможность: европейские государства в начальной фазе санкций США против Ирана; Китай в случае сегодняшних санкций Запада против России; Турция в ситуации, когда давление ЕС заставило Россию отказаться от проекта по строительству газопровода "Южный поток".

В политическом отношении санкции наиболее эффективны против друзей и союзников; в случае противников они могут ужесточить их намерения - по крайней мере, в краткосрочном периоде. Санкции, наложенные на Россию в 2014 г. во время кризиса на Украине, способствовали не только бурному росту популярности В. Путина, но, что еще важнее, росту российского патриотизма и национализма. В моменты бравады Кремль даже надеялся, что длительный период санкций может обеспечить политическую стабильность в стране на многие годы (несмотря на то, что падение в российской экономике может иметь противоположное действие).

Санкции оказывают огромное экономическое влияние на целевые страны: их технологическое развитие замедляется, а население беднеет. Это непременно порождает народное негодование, но далеко не всегда приводит к смене политического режима. Более либеральные режимы (Сербия) могут быть сметены, но более жесткие (Ирак) вряд ли могут быть разрушены изнутри. МНК, имеющие штаб-квартиру на Западе, даже кажущиеся более сильными, теряют свои рынки.

Относительными победителями в результате такого развития событий являются США или ЕС (до тех пор, пока они удерживают достаточные рычаги влияния на мировую экономику, чтобы быть способными сделать санкции действенными) и Китай (чьи компании оказываются в центре внимания, когда сбыт западным фирмам блокируется, и который

оказывает активную поддержку своим компаниям на мировых рынках). Проигравшие - это мишени западных санкций, такие как Россия и Иран, а также МНК со штаб-квартирой на Западе, которые пребывают в относительно неблагоприятном положении. В такой же ситуации оказываются и многосторонние институты, предназначенные для защиты свободного потока торговли и инвестиций, такие как ВТО, которые теряют доверие, оказываясь бесполезными.

Вызов 2: Геополитизация торговых переговоров.

Всплеск торговых переговоров имел место по всему миру вместе с растущим числом обычных переговоров - межрегиональных, региональных и межстрановых. В теории новые активные действия могли бы заполнить пустоту новых сделок ВТО и принести столь необходимый рост. В реальности крупные региональные переговоры скорее всего будут способствовать мультиполяризации мира и даже конкуренции между региональными блоками далеко за пределами торговли⁷.

Китай и Россия являются примерами новых сил, бросивших вызов ведомому Западом послевоенному экономическому и политическому порядку посредством развития торговых зон и усиления их влияния на соответствующих территориях.

Китай стремится к созданию регионального всестороннего экономического партнерства в противовес ведомому США трансатлантическому партнерству. Достаточно много государств Азиатско-Тихоокеанского региона было поставлено в затруднительное положение относительно того, как согласовать действия двух конкурирующих блоков. Каждый из них берет за основу различные правила по обороту товаров, наличных денег и интеллектуальной собственности в соответствии с теми интересами и принципами, которые одобряются США и Китаем. Битва на устранение отражает соперничество между двумя огромными экономиками в гораздо более широких сферах, включая военную мощь.

Усилия России по созданию Евразийского экономического союза (ЕЭС), включающего Республику Беларусь, Казахстан и Армению, согласуются с геополитической стратегией Москвы преуспеть в интеграционном

процессе в противовес ЕС / НАТО на Западе (открыто) и Китаю на Востоке (косвенно). Интересно, что ЕЭС выразил намерение повысить значимость Евразийского банка развития, для того чтобы оказать содействие в развитии инфраструктуры участвующих государств⁸. По своему назначению этот Банк напоминает поддерживаемый Китаем Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк в противовес находящемуся под влиянием Запада Азиатскому банку развития.

Будет интересно увидеть в следующие несколько лет, как Москва и Пекин смогут согласовать свои проекты по созданию ЕЭС и направления развития Шелкового пути и как страны Центральной Азии смогут столкнуться одного большого соседа с другим.

Вызовы не ограничиваются традиционными находящимися под руководством Запада институтами. Бразилия являлась центральной экономической силой Латинской Америки и оказывала сильное влияние на МЕРКОСУР наряду с Аргентиной. В настоящее время четыре развивающихся звезды - Мексика, Колумбия, Чили и Перу - предпринимают попытки предложить альтернативу объединению МЕРКОСУР посредством создания Тихоокеанского альянса. Новая структура придает особое значение вмешательству азиатских экономических сил в развитие Латинской Америки и может изменить политический и экономический ландшафт региона⁹.

И снова все эти шаги могут пойти на пользу прогрессивному развитию свободной торговли в мире. Торговля и экономика все еще не могут существовать вне рамок геополитического контекста. В то же время, как только региональные торговые переговоры продвигаются, мир встанет на пороге перехода от американского господства к многополярной системе, которая сбалансирует разные силы. Если геополитическое соперничество между главными державами будет определять природу торговых сделок, чтобы они стали взаимовыгодными как экономически, так и политически, глобальные потребители и бизнесы окажутся проигравшими. Страны на периферии главных региональных держав окажутся под их сильным влиянием и также проиграют.

Вызов 3: Государственный капитализм.

Возрождение государственного капитализма после финансового кризиса значитель-

но усилило конкуренцию между правительствами за власть и влияние.

Несмотря на то, что США продолжают доминировать на финансовых рынках, все больше стран не разделяют веру США в ограниченное государственное вмешательство, играют ведущую роль в генерировании, определении места назначения и в посредничестве в движении капитала через рынки и реальные секторы экономики. В их моделях государство пытается играть выравняющую роль на рынке, чтобы убедиться в том, что экономика застрахована от резких взлетов и падений и в том, что необузданный капитализм сдерживается интересами государства и других заинтересованных сторон.

В некотором смысле это не является новым - в течение многих лет правительства использовали владение компаниями и финансовыми учреждениями, чтобы способствовать осуществлению их стратегических целей, но сегодня они наращивают свое влияние новыми мощными способами.

Во-первых, эти цели реализуются с помощью все более политизированных центральных банков, которые используют нетрадиционные меры для продвижения национальных политических интересов¹⁰. После того как финансовые власти стали в большей степени парализованными и политически ограниченными, посткризисные ответы перешли и реализуются центральными банками через кредитно-денежную политику. Центральные банки, хотели они этого или нет, стали обладателями огромного количества ценных бумаг, приобретая тем самым равноценное влияние. Более того, полномочия центральных банков в сфере надзора были усилены в период после кризиса в целях обеспечения стабильности финансовой системы. Центральные банки развивающихся рынков оказались серьезно зажатыми между внутренними политическими силами, их давлением и мнимой независимостью при осуществлении кредитно-денежной политики и банковского надзора. Возрастает риск для государств, использующих центральные банки, продвинуть интересы, которые прямо не соответствуют наказам.

Правительства устанавливают преференциальные режимы, правовые и политические реформы в целях продвижения национальных

интересов или национальных чемпионов, пересматривая льготы для ключевых секторов и отраслей промышленности регионально и глобально.

Установление региональных или международных норм для стратегических секторов в настоящее время играет большую роль в продвижении национальных интересов посредством использования экономических и регулятивных инструментов¹¹. Введение трансграничных правил для инструментов финансового рынка, банкинга, передачи технологий, энергии и торговли всегда диктовалось, по сути, политическими соображениями, нежели техническими. Сейчас мы можем добавить стратегические инструменты к рыночным, законодательным, контролирующим и прочим политическим инструментам, они призваны способствовать укреплению государственных предприятий и национальных чемпионов.

К примеру, существуют конкурирующие взгляды и стандарты для применения антимонопольных мер при продвижении национальных интересов во имя рыночной конкуренции. Во многих случаях обличие “выравнивания игрового поля” используется как оправдание для стратегически важных экономических результатов.

Региональные и глобальные стандарты все больше устанавливают (или затрудняют) те страны, чьи национальные чемпионы доминируют или выступают старожилками в стратегических отраслях промышленности или секторах. В особенности США, Китай и ЕС вступают в борьбу за установление своих стандартов и регламентационной базы в стратегических секторах, включая финансы, энергию и технологии.

Влияние каждого сектора распространяется далеко за пределы экономических интересов и оказывает влияние на роль стран, компаний и регионов с точки зрения их экономической независимости, политической безопасности и стабильности.

Недостаточно ясны коммерческие и стратегические направления для таких секторов, как технологический и финансовый, где последствия продвижения национальных программ имеют глобальное значение. Технологии - это сектор наибольшей стратегической важности для главных держав, которые оце-

нивают весь спектр экономических вопросов и вопросов безопасности, вытекающих из возможностей и рисков, вызванных взаимосвязями и глубокой зависимостью от технологии как основы глобальной экономической, военной и политической безопасности. Если США и Китай, к примеру, обсуждают технологические вопросы и проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью, НАТО сталкивается с необходимостью реагировать на вторжение во взаимные оборонительные обязательства. Недавний взлом баз данных “Сони Пикчерз”, раскрытие и кража личных файлов компании и фильмов вызвало размышления и разговоры о связанном с государством возмездии.

Центральные банки США с их американским долларом как доминирующей мировой резервной валютой выделяются в качестве главного победителя. Центральные банки других важных экономических и финансовых игроков, включая ЕЦБ, Банк Японии и Банк Англии, чей политический выбор имеет широкое стратегическое влияние, выходящее за пределы их территории, также выигрывают. Китайский народный банк, чье восхождение является в равной мере стратегически важным и необходимым для оптимального функционирования мировой экономической системы, также оказывается в победителях.

Страны с крупными внутренними производственными предприятиями, вероятнее всего, извлекут преимущество в рамках новой обстановки. И наоборот, США, традиционно использовавшие свое влияние, не обладая в тех или иных странах фактической собственностью и контролем над рычагами экономического воздействия, оказываются в проигравших. Это происходит по причине движения мировой экономики к модели, в центре которой располагаются предприятия с государственным участием.

Существующих национальных предприятий-чемпионов и доминирующих на рынке игроков также можно причислить к победителям, поскольку они извлекают пользу из продолжающейся поддержки их со стороны государства, что позволяет им принимать или даже отклонять международные согласованные стандарты и результаты. Маловероятно, что в такой ситуации международные нормы будут согласованы, другое дело, региональ-

ные нормы, которые, скорее всего, и будут закреплены в нормативных договорах.

Высокотехнологичные компании США выступают и как главные победители, и как потенциальные проигравшие. Возрастающая роль технологии в рамках мирового стратегического ландшафта означает, что компании, занимающие доминирующее положение в этой сфере, непременно выигрывают. Однако нормативные установления и протекционистские меры некоторых стран делают эти компании и сектора потенциально уязвимыми как перед национальными конкурентами, так и перед произволом со стороны правительства.

К сожалению, больше всех проигрывают, согласно данным сценариям, международные институты, чьи полномочия глобальны, а возможности, ресурсы и практическая деятельность ограничены. В этом случае региональные и национальные учреждения могут заполнить белые пятна, образованные в результате неспособности международных организаций решить глобальные проблемы.

Вызов 4: Конкуренция за ближайшие рынки, а не за природные ресурсы.

Конкуренция среди государств в геэкономическую эру все больше движима поиском новых рынков, нежели чем разведкой полезных ископаемых. Это основа развития.

В колониальные времена соперничество было сконцентрировано на прямом контроле над землями и морем как для добычи ресурсов, так и для обеспечения торговли на далекие расстояния между колониями на льготных условиях. Как только колонии стали независимыми, идеологический, а не экономический аспект стал приниматься во внимание. После окончания "холодной войны" нефть превратилась в главный драйвер конкуренции, выступающий основой создания новых альянсов и вовлекающий США в обеспечение безопасности на Ближнем Востоке¹².

Сегодня, когда мировая экономика страдает от последствий финансового кризиса и многие некогда стабильные экономики пошатываются под давлением медленного роста или его отсутствия, природа естественной конкуренции меняется снова под воздействием двух основных факторов¹³.

Во-первых, ресурсы становятся дешевле из-за сланцевого газа и нефтяной революции, а также других технологических усовер-

шенствований, которые сокращают зависимость от традиционных поставщиков. Во-вторых, экономический и демографический рост, наряду с развитием человеческого капитала в развивающихся странах, делает их важным источником совокупного спроса и относительно дешевой квалифицированной рабочей силы.

Интересы современных многонациональных корпораций подкрепили переход от стратегической конкуренции за доступ к ресурсам к конкуренции за проникновение на новые рынки. Благодаря крупным научно-техническим достижениям в сфере информационно-коммуникационных технологий, повышению эффективности транспортных перевозок и логистики эти корпорации становятся действительно глобальными. Они способны инвестировать и размещать производства товаров, услуг, а также индивидуальные производственные задания через континенты.

За последние годы стратегические интересы государств сместились с ресурсной конкуренции на конкуренцию за рынки. Организованная США программа помощи неимущим в Индии, развитие отношений между США и Китаем, инфраструктурные инвестиции Китая в Африку и российское стремление проникнуть на богатый нефтью рынок Венесуэлы - это все показатели такого перехода¹⁴.

Главное правило нового пути - это получение доступа к крупным рынкам, имеющим часто большое население и быстрорастущий средний класс, который обладает высокой покупательной способностью.

Необходимость получения такого доступа имеет двойные причины. Те, кто желает выиграть в новом мире, должны инвестировать в способности. Те, кто хочет обеспечить стимулы для накопления человеческого капитала, должны обеспечить доступность большего, а лучше глобального рынка. Таким образом, проникновение на рынки в целях повышения конкурентоспособности производства через аутсорсинг персонала, а также вхождение на рынки с превалированием среднего класса в целях обеспечения масштабного сбыта продукции способствуют новому тренду.

Победителями в новой стратегической конкурентной борьбе являются, прежде все-

го, страны с растущим доходом на душу населения и большим, постоянно прибывающим населением - Китай, Индия и некоторые крупные страны Африки к югу от Сахары. Высококвалифицированные граждане из развитых стран должны добиться успеха в новых условиях, преуспеть в деле управления крупными корпорациями и в создании новых технологий для крупных рынков. Страны и корпорации, которые смогут адаптироваться к прокладыванию путей к новым рынкам посредством осуществления контроля над социальной, экономической и информационной сетями, будут иметь шанс извлечь выгоду от присутствия на этих растущих рынках.

В то же время ресурсодобывающие компании, вероятно, испытают силовое давление, отчего богатые нефтью страны, такие как Саудовская Аравия, Россия и Иран, имеют все шансы проиграть. Рабочие со средней квалификацией в странах ОЭСР, которые сейчас сталкиваются с конкуренцией со стороны низкооплачиваемых квалифицированных кадров из развивающихся стран, также могут оказаться в проигрыше. Государства, не способные обеспечить безопасность и стабильность своим экономическим предприятиям и иностранным инвестициям, вероятнее всего, будут вытеснены с новой волны глобализации. Все, что мог сделать Китай в 2011 г. в рамках конфликта в Ливии, - это эвакуировать тысячи рабочих из страны. Низкоквалифицированные рабочие в развитых странах все еще защищены от конкуренции в случае, если их работа не может быть перепоручена в порядке внешнего подряда другим лицам. Однако технический прогресс может угрожать им через автоматизацию бизнес-процессов.

Вызов 5: Выживание самых крупных и опустошение периферии.

Многие надеются, что неудача с глобальным управлением приведет к миру организованных регионов, нежели чем к миру хаоса. Соседствующие тяжеловесы вмешаются в процесс установления правил для торговли, инвестиций и безопасности - то, что делали США и их единомышленники в послевоенный период на протяжении десятилетий. Многие видения регионализма имеют сходство с гармонично выстроенной евросоюзной интеграцией.

Однако эти предположения не пошли дальше. Несмотря на то, что срыв политики глобального управления усиливает ключевые государства и расширяет их возможности в соответствующих регионах, лидеры таких государств не пытаются использовать их растущее влияние для создания справедливых региональных стандартов¹⁵. Вместо этого они создают новые отношения по принципу "центр - периферия", которые приносят пользу интересам центра часто за счет периферийных государств. Заглядывая вперед, способны ли такого рода асимметричные двусторонние отношения усилить центральные региональные силы и разорить периферию?

Три главных примера данного процесса можно наблюдать в настоящее время. Это ярко проявляется в отношениях между Россией и ее ближайшими соседями. Процесс опустошения периферии можно соотнести как с ролью Германии в Европе, так и с положением восходящего Китая на Восточном и Южно-Китайском морях.

Во всех трех случаях опустошение стран периферии происходит как дипломатически, так и экономически. Возьмем в качестве примера Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк и другие новые организации, которые Китай возглавил в целях противостояния глобальным альтернативам этих организаций. Эти новые учреждения на самом деле не предназначены быть мировыми, так как не создавались на многосторонней основе. Они ориентированы больше на интересы Пекина, а не на интересы региона в целом. Китай имеет геополитический интерес в том, чтобы его соседи экономически зависели от решений Пекина. В Европе воздействие строгой политики Германии по отношению к периферийным государствам проявляется в политических успехах партий евроскептиков и в росте социальной напряженности. Россия, со своей стороны, задействует методы кнута и пряника (и того и другого в изобилии) в неудавшейся попытке включить Украину в проект Евразийского Союза¹⁶. В настоящее время, когда Киев принял решение в пользу присоединения к Европейскому Союзу, торговые и другие экономические связи Украины с Россией подрываются.

Опустошение периферии в пользу центра происходит также и в сфере безопаснос-

ти. Устранение американского мирового лидерства дает Москве и Пекину больше свободы в сферах их влияния, что сокращает возможности выбора вариантов поведения для их соседей. В Европе вопрос обеспечения безопасности является более тонким, но вполне прозрачным. Растущее влияние Германии, несомненно, ведет к распространению немецко-ориентированного взгляда на вопросы внешней политики по всему ЕС; в итоге Германия совершенно по-другому оценивает вопросы, связанные с НАТО, недавнего скандала по поводу Агентства национальной безопасности, чем Великобритания и Франция – традиционные архитекторы политики безопасности в ЕС.

Прежде всего, многие страны периферии боятся потерять статус маневренного государства, т.е. способность уклоняться от решений главных держав и сохранять при этом свободу действий. Такая страна, как Сингапур, может лавировать с легкостью: она сохраняет свою способность к диверсификации благодаря своему положению центра торговли с огромным числом важных экономических партнеров, не попадая в зависимость ни от одного из них¹⁷. Украина, наоборот, долгое время не хотела ничего, кроме шанса эффективно лавировать между Европой и Россией, но сейчас страна сделала свой выбор в пользу Запада и идет по этому пути. Однако достаточно трудно сделать такой выбор безболезненно, так как Украина очень тесно связана с российской экономикой. Стремящийся к многополярности мир может создать предпосылки преумножения украинской модели и меньшей распространенности модели Сингапура.

Главная опасность состоит в том, что регионализм делает глобальные проблемы трудноразрешимыми, однако многие считают вполне достаточным и то, что он может приносить пользу на региональном уровне. Но что, если преимущества не будут выходить за пределы центральных государств региона? С устранением глобального лидерства региональные гегемоны имеют все возможности и необходимое оснащение для того, чтобы зажать государства на периферии. Таким образом, зависимость периферии от центрального государства не только не гарантирует ей стабильность и устойчивость, она так-

же подрывает позитивные аспекты возросшей автономии в мире без глобального лидерства.

Так куда же эта тенденция распространится далее? Применимо ли это к Бразилии и ее латиноамериканской периферии и Нигерии и ее западноафриканским соседям – все это потребует пристального внимания в ближайшие годы. Степень опустошения периферии и последствия второго порядка еще предстоит увидеть. То, что происходит сейчас, лишь ранняя стадия.

Вызов 6: Китайские инфраструктурные альянсы.

Инфраструктурные проекты Китая могут быть важны для XXI в. в той же мере, что и защита Америкой морских путей для XX в. Инфраструктурные финансы, таким образом, стали инструментом внешней политики, особенно для Китая, который превзошел традиционных многосторонних кредиторов по количеству займов, грантов, совместных предприятий и андеррайтингу инфраструктурных проектов в развивающихся странах как в Азии, так и по всему миру.

Китай занимается строительством и восстановлением физической транспортной и другой инфраструктуры на ключевых рынках, на которых он стремится как получить доступ к полезным ископаемым, так и сделать свой экспорт на эти рынки более успешным и эффективным. Это направления китайской политики дополнительности, или “инфраструктурных альянсов”, а не направления подлинного геополитического схождения.

Эта тенденция проявляет себя несколькими способами. Во-первых, Китай серьезно увеличил объем ПИИ и выдаваемых кредитов в страны, где он стремится расширить доступ к товарам, в особенности путем инфраструктурных вложений в автомобильные и железные дороги, добычу ресурсов, трубопроводы и порты. Это происходит на периферии Китая (Монголия, Мьянма, Казахстан, Россия), в Индийском океане (Шри-Ланка, Пакистан), в Африке (Кения, Судан) и в Латинской Америке (Панама, Эквадор, Венесуэла). Китай приобретает долю в праве собственности на эти активы через совместные предприятия для того, чтобы застраховаться от риска неплатежа и политических споров¹⁸.

Важно, что Китай учредил ряд новых многосторонних институтов в целях расширения инфраструктурного финансирования. Например, Банк БРИКС, Азиатский инфраструктурный инвестиционный банк, Экономический пояс Шелкового пути. Каждый из этих институтов нацелен на улучшение инфраструктуры, устранение таможенных и торговых барьеров, что будет способствовать притоку ресурсов в Китай и повысит эффективность экспортных потоков из страны.

Кто будет являться победителями и проигравшими? Китай имеет шанс получить невероятную прибыль от улучшения инфраструктурной связанности рынков в Азии и по всему миру. Страны-экспортеры также выиграют от первоклассной инфраструктуры.

Существует также несколько пессимистичных сценариев¹⁹. Первый - это антикитайские настроения (уже заметны в Мьянме и некоторых африканских странах) против приглашения иностранных рабочих, недостаточной подготовки местных управленческих кадров и трансфера технологий.

Второй - это огромная задолженность Китаю, возникшая из-за дефолтов и политической напряженности и экспроприационной практики: когда цены на предметы потребления низкие, снижаются арендные платежи для сырьевых экономик.

С другой стороны, государства могут чувствовать давление от присутствия Китая на их рынке и осуществить ресурсный национализм посредством прекращения контрактов или национализацию находящихся в совместной собственности инфраструктурных активов. Это, безусловно, приведет к росту политической напряженности между странами. Размещение Китаем частных военных частей в Судане, Алжире и в других странах может являться ключевым вопросом в этом отношении.

Вызов 7: Падение цен на нефть.

После трех лет необычной стабильности (около 100 долл. за баррель) цены на нефть резко упали во второй половине 2014 г., снизившись со 115 долл. за баррель в июне до 60 долл. в декабре.

О том, куда движутся цены на нефть, известно меньше, чем предполагают уверенные аналитики. Цены на нефть резко упали в 2014 г., несмотря на то, что наблюдалось

лишь небольшое превышение совокупного мирового предложения над спросом²⁰. Это служит напоминанием о том, что Саудовская Аравия на нефтяных рынках больше не выполняет той стабилизирующей функции, которую выполняла ранее. Такая особенность нефтяных рынков работает и в другом направлении: превышение спроса над предложением может подтолкнуть цены назад, к их прежним уровням, или, если превышение достаточно велико - даже подняться выше этих уровней. Возвращение изменчивости цен на нефть - это та тенденция, которая, с уверенностью можно сказать, сохранится. Как ранее было упомянуто, в настоящее время, когда наблюдается рост предложения нефти в условиях снижающегося спроса, миру следует ожидать серьезного падения цен на нефть²¹.

Изменчивость цен на нефть - это неблагоприятная экономическая новость, затрагивающая весь мир. Она останавливает рост потребления и инвестиций, приводя в затруднительное положение разработчиков экономической политики. Когда цены падают, как это было в 2014 г., огромную выгоду получают главные импортеры нефти: даже несмотря на то, что сланцевая нефть из США заслуживает доверие за подталкивание цен вниз, китайская и европейские экономики извлекут хорошую прибыль. Среди государств "Большой двадцатки" только Россия и Саудовская Аравия оказываются в проигравших. Российский рубль, например, потерял около 50% своей стоимости по отношению к основным валютам во второй половине 2014 г.²² Мексика и Бразилия, вероятнее всего, также примкнут к данной категории стран.

Однако признание кого-либо победителем или проигравшим в итоге будет зависеть от того, как быстро правительства отреагируют на изменение цен на нефть. Индия, например, увеличила свою прибыль, используя возможность, предоставленную падением цен, для сокращения дизельных субсидий. Это действие является экономически и стратегически привлекательным, однако политически до настоящего времени невыполнимым. Бразилия может также получить похожую прибыль, если использует падение цен на нефть для изменения ограничительной политики, которая создает угрозу закрытия доступа

инвестициям к собственным нефтяным ресурсам. Россия имеет шанс начать диверсификацию экономики и уйти от чрезмерной зависимости от нефти и газа. Решения потребителей и производителей лягут в основу будущего производства нефти, ее потребления и торговли нефтью с соответствующими стратегическими последствиями.

Вне энергетических рынков низкие цены – или, по крайней мере, периоды низких цен – оказывают давление на Россию и Иран, две страны, которые постоянно пребывают в центре геополитических штормов. Уязвимости этих стран возможно сильно преувеличены. Обладая значительными денежными резервами, гибкой бюджетной политикой и свободным обменным курсом, эти страны вряд ли могут находиться на грани неплатежеспособности, несмотря на то, что цены на нефть значительно ниже уровня, необходимого для сбалансирования бюджета в этих странах (по оценкам МВФ). Геополитические ставки, задействованные в текущих конфликтах в этих странах, настолько высоки, что часто перевешивают экономические проблемы.

На этом фоне важно не забывать, что цены на нефть в действительности не являются низкими. Даже при 70 долл. за баррель уровень цен на нефть выше, чем был 10 лет назад. Большая часть мировой построенной на нефти инфраструктуры – автомобили, здания, промышленные объекты – была построена, когда нефть стоила значительно меньше, чем в 2014 г. Тем более имеется немало экономических, экологических и стратегических предпосылок для того, чтобы уменьшить использование нефти в мировых масштабах, даже в случае снижения цены на нефть.

Основные выводы.

В отсутствие эффективного глобального лидерства международные нормы и стандарты размываются с последующим переходом к многополярному миру, в котором великие державы конкурируют друг с другом, используя инструменты экономической политики, а региональные державы выполняют соседствующую роль.

Все более многосторонние институты рассматриваются как инструменты охраны государств, и вследствие этого они проявляют меньший интерес в разрешении глобаль-

ных проблем от борьбы с эпидемией эболы до изменения климата. Крупные государства работают вместе только тогда, когда их интересы очень близко соприкасаются.

Так что могут сделать государства мира, чтобы предотвратить развертывание процесса глобализации мировой экономики и ее систем управления в геополитическом контексте? Каковы основные риски для промышленности, бизнеса, что нужно делать для их минимизации?

Государства должны разработать собственные правила ведения экономической войны. Когда правительства используют инфраструктуру мировой экономики для достижения политических целей, они бросают вызов всеобщности системы, и другие государства, вероятнее всего, будут предпринимать действия по предотвращению господства. Они могут также провоцировать атаки в отместку. Аналогично тому, как страны выработали множество соглашений и конвенций, которыми необходимо руководствоваться на случай военных действий между ними, эти принципы должны быть применимы и на экономической арене. Конечно, такой тип координации оказывается затруднительным, учитывая все тенденции к регионализации, делающей экономическую войну такой заманчивой и более распространенной. США до сих пор больше всего теряют из-за других держав, разрушающих существующую глобальную экономическую систему. Таким образом, Вашингтон должен инициировать столкновение и объяснение этих принципов, а также подвигнуть другие государства на их соблюдение. Будет трудно достичь мирового консенсуса, но если основные державы изложат свои подходы по разрешению ситуации, это поможет избежать худших сценариев.

Государства должны найти правильное экономическое равновесие и придерживаться новых форм договоренностей. Странам необходимо найти правильный баланс между соблюдением принципов невмешательства и интервенцией в экономику, чтобы достичь стратегических целей. После финансового кризиса государства, очевидно, будут больше вовлечены в установление рамочных правил экономической деятельности. Например, западные страны могут поучиться у Китая

построению модели “инфраструктура сначала”, адаптируя ее под свои сильные стороны. Китай и другие основные развивающиеся рынки обеспечивают альтернативный источник капитала и кредитов, и развивающиеся страны в большинстве своем не желают проводить жесткие экономические и политические реформы, на которых основывается помощь, предоставляемая МВФ. Вместо этого Запад может привести в движение инфраструктурные инвестиции в развивающихся странах, используя преимущества их частного сектора, такие как доступ к наукоемким технологиям.

Необходимо принять принцип “выживания только самых крупных” и объединения слабых. Когда небольшая страна становится слишком зависимой от регионального центра, ее способность лавировать и сохранять свободу выбора - экономически и стратегически - также становится ограниченной. Для того чтобы избежать выведения из игры региональным гегемоном, небольшие государства должны стремиться к объединению их ресурсов и только тогда всем вместе бросить вызов локально доминирующей державе. Общая угроза для государств, окружающих гегемона, - это мощный силовой импульс. Более крупные страны, со своей стороны, должны осознавать возможность, которую предоставляют небольшие страны из других регионов, если они желают заручиться поддержкой крупных и стабильных держав, которые могут дать им передышку. Все это в некоторой степени имеет отношение к Азиатско-Тихоокеанскому региону, где соседи Китая стараются обезопасить себя от быстрого роста Пекина, углубляя отношения в области безопасности с Вашингтоном. Эта модель может оказаться дублируемой по всему миру и привести к созданию нетрадиционных группировок и альянсов.

Предприятия могут следить за распределением глобального дохода, но играть между тем по новым правилам. Бизнесу необходимо придерживаться открытой глобализации, если он желает минимизировать риски, связанные с геоэкономической конкуренцией и другими переменными факторами. Предприятия должны быть сильными защитниками торговой либерализации и иностранных инвестиций, которые углубляют международ-

ные связи и уменьшают протекционизм и стимулы для конфликта. Но даже если МНК стремятся к созданию глобального рыночного пространства, они должны быть готовы к движению по ухабистой местности. Рост государственного капитализма приведет к осложнению функционирования или даже к закрытию многих секторов, рассматриваемых в качестве стратегических, однако также откроются новые сферы возможностей. Авторитарный Китай может очень щепетильно отнестись к инвестициям в телекоммуникационный сектор, но чтобы побороть загрязнение окружающей среды, он может приветствовать зарубежный опыт в сфере возобновляемых и альтернативных источников энергии. Наоборот, энергетический сектор другой страны может быть закрыт для инвестиций в силу стратегических приоритетов конкретного правительства, но оно может быть заинтересовано во внешней помощи при построении интеллектуальных сетей и телекоммуникационной инфраструктуры.

Фокусировка должна быть сосредоточена на ключевых региональных игроках и региональной политике, нежели чем на вере в необходимость существования международных институтов. Гражданское общество должно быть более практичным относительно того, где оно ищет решения глобальных проблем. Вместо того чтобы полагаться на универсальные институты Бреттон-Вудской системы, следует обратить свое внимание на региональные и субрегиональные уровни интеграции. Время больших глобальных кампаний, таких как “Большая семерка”, прошло: на фоне угасания глобального лидерства и выхода на мировую арену развивающихся держав “Большая семерка” больше не является жизнеспособной площадкой для принятия глобальных решений. Такие кампании должны быть приспособлены под удовлетворение стратегических интересов сильнейших государств региона, которые проявляют инициативу. Каждый имеет интерес в борьбе с миром, становящимся более опасным, ожесточенно конкурентным и неуправляемым местом, посредством разработки политических, региональных и творческих форм коллективных действий для борьбы с “духом атомизации”, разделения, который все больше определяет современный мир.

¹ Чернов В.А. Геополитические факторы и финансовая политика России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 7 (292). С. 2-15.

² Бялый Ю.В. Новые геоэкономические тенденции, их отражение в глобальной и региональной политике // Россия XXI. 2014. № 4. С. 6-7.

³ Там же. С. 9.

⁴ Асланова Л.О., Батова Б.З. Геоэкономическое положение России в мире: проблемы и перспективы // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 405.

⁵ World Economic Forum, Global Risks 2015: 10th Edition. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_2015_Report15.pdf.

⁶ Асланова Л.О., Батова Б.З. Указ. соч. С. 407.

⁷ World Economic Forum, Enabling Trade: Increasing the Potential of Trade Reforms. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEFUSA_EnablingTrade_Report2015.pdf.

⁸ Асланова Л.О., Батова Б.З. Указ. соч. С. 407-408.

⁹ World Economic Forum, The Global Competitiveness Report 2014-2015. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf.

¹⁰ World Economic Forum, Global Risks 2015: 10th Edition.

¹¹ Шуканов П.В., Логвин М.М. Геоэкономические аспекты устойчивого развития мира // Региональные исследования. 2014. № 2. С. 58.

¹² Бялый Ю.В. Указ. соч. С. 9-10.

¹³ World Economic Forum, Global Risks 2015: 10th Edition.

¹⁴ World Economic Forum, The Global Competitiveness Report 2013-2014. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf.

¹⁵ World Economic Forum, Global Risks 2015: 10th Edition.

¹⁶ Асланова Л.О., Батова Б.З. Указ. соч. С. 409.

¹⁷ World Economic Forum, Annual Meeting 2015: The New Global Context. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_AM15_Report.pdf

¹⁸ World Economic Forum, The Global Competitiveness Report 2014-2015.

¹⁹ Шуканов П.В., Логвин М.М. Указ. соч. С. 59-60.

²⁰ World Economic Forum, The Global Competitiveness Report 2013-2014.

²¹ World Economic Forum, Global Risks 2015: 10th Edition.

²² World Economic Forum, The Global Competitiveness Report 2014-2015.

Поступила в редакцию 16.04.2015 г.